

защитником интересов всего общества и всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

В своей историко-политической концепции всемирной истории Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой законной *монархической власти*. Он фрондирует именно против данного «дурного» правительства, против *тирании* Юстиниана, а не против императорской власти вообще. Он выдвигает определенные требования к «мудрому правителю» государства, восхваляя предшественников «высочек» Юстина и Юстиниана, *законных* правителей империи: Феодосия — за справедливость и воинские доблести ³³, Аркадия — за то, что он советовался с «разумными людьми, обыкновенно заседающими в советах царских» ³⁴, и, наконец, Анастасия — за бережливость, предусмотрительность, снятие недоимок ³⁵.

В недовольстве правлением Юстиниана немалую роль играли *династические интересы* той части аристократии, которая хотела вновь посадить на престол наследников законной династии Анастасия. Прокопий явно на стороне этих заговорщиков. Это проявляется в описании восстания Ника. Если восстание народа («бунт черни») вызывает страх и ненависть историка, то династические планы знатных участников восстания — сенаторов, наоборот, встречают сочувствие Прокопия. Он всячески стремится обелить племянника Анастасия Ипатия, отделить его от восставшего народа, подчеркнуть, что он был невинной жертвой Юстиниана. Прокопий поддерживает малоправдоподобную версию, что Ипатий якобы сам не стремился занять императорский престол, а был насильно коронован восставшим народом ³⁶. Прокопий в «Тайной истории» не скрывает своих симпатий к подвергшимся гонениям сенаторам, участвовавшим в восстании Ника. Он осуждает Юстиниана и Феодору за конфискацию имущества знатных заговорщиков. В этом рассказе можно даже уловить намек на личную близость Прокопия к сенаторским кругам, подвергшимся репрессиям. Заканчивая рассказ о преследовании сенаторов, Прокопий пишет: «Поэтому в моих глазах и глазах многих моих (διὸ δὴ ἐμοὶ καὶ τοῖς πολλοῖς ἡμῶν) они [Юстиниан и Феодора] казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны» ³⁷.

Кроме того, резко нападая на борьбу цирковых партий венетов и прасинов, особенно на бесчинства стасиотов партии венетов, пользующейся покровительством Юстиниана, Прокопий хвалит поведение умеренной части этой партии во время восстания. Сенатор Ориген и вожди венетов были против наступательной тактики в восстании и, испугавшись народного движения, фактически предали восставшую «чернь» ³⁸. Благодаря такому поведению, с точки зрения Прокопия, они в крайних обстоятельствах «оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей» ³⁹.

Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. Для идеального царства необходима крепкая, устойчивая, законная власть и особенно опасна *тирания*. При Юстиниане же «ни закон, ни установления не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен *тирании*, и притом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день» ⁴⁰. Сильный и мудрый правитель, опираю-

³³ Proc. В. Р., I, 2. 1—3.

³⁴ Ibid., I, 2. 6.

³⁵ Proc. Н. а., XIX, 5—7; XVIII, 7.

³⁶ Proc. В. Р., I, 24. 17—25; 31; 42—58.

³⁷ Proc. Н. а., XII, 14.

³⁸ Proc. В. Р., I, 24. 26 sq.

³⁹ Proc. Н. а., VIII, 3.

⁴⁰ Ibid., VII, 31.